

ГРОМОВА
УЛЬЯНА

Я верну
ТВОЮ МАМУ

УКРАДЕННЫЙ СЫН

Громова Ульяна

Я верну твою маму

<https://litres.ru/74227483>

Аннотация

Артём наконец стал отцом. Теперь его жизнь состоит из бессонных ночей, детских смесей и маленького мальчика, ради которого он однажды разрушил сразу три жизни. Каждый день сын напоминает ему о женщине, которую он никогда не должен был потерять.

Только как вернуть мать ребёнку, если она уверена, что её сын умер?

Содержание

Глава 1. Трещины	4
Глава 2. А где в этой схеме я?	22
Глава 3. Первый день он трудный самый	40
Глава 4. Прекрасные кошмары	58
Глава 5. Одна ночь из жизни	79
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Глава 1. Трещины

Начало тут <https://litnet.com/shrt/g7S7>

Ты сам выбираешь, о чём думать и что чувствовать.

Катя

Я лежала поверх застеленной кровати и смотрела в потолок. По нему проходила трещина. Похожая на молнию, замазанная, покрашенная, но... отчетливо видимая именно из-за этих маскирующих ее слоев. Я металась взглядом с одной ее стороны на другую и большими буквами выводила мысленные слова: ДО и ПОСЛЕ.

Сегодня меня выписывают. Я тут несколько дней, а кажется, только вчера на обходе мой врач — Лев Константинович, хоть и пенсионер, но все еще работающий — по-отечески утешал меня, когда лично пришел сообщить, что мой ребенок не выжил.

Я будто оглохла после этой новости. Никак не могла понять, как это возможно. Ведь ничего не предвещало. Мне даже тельце моего малыша не показали — Лев Константинович увещевал, что тогда мне будет еще тяжелее пережить потерю, что ненужно видеть мертвого сына, потому что смерть не бывает красивой, а у меня могут возникнуть страхи и комплексы.

Наверное, он прав. Но я лежала, ждала выписку и справку о смерти сына и не хотела уходить из роддома. Здесь была

территория, где мне не нужно смотреть в глаза Артему. Где я могла ничего не делать, потому что ничего не хотелось.

Я не знала, как правильно переживать эту потерю. Мне казалось, я плохая мать и мало скорблю. Но... я уснула на операционном столе врача с животом, проснулась без него. Со швом-трещиной на коже и жизни, зашитым и замазанным, но под всеми слоями отчетливо различимым. И... всё. Как будто эта беременность была сном. Как будто я ее придумала, чтобы увести чужого мужа, и вот высшие силы меня разоблачили, а ребенка отняли.

Может, я тронулась умом?

И Артема тоже придумала?

Потому что он ни разу не пришел за все дни, что я лежала в роддоме и подыхала от непонимания, как жить дальше. Он ни разу не позвонил. Но наверняка знал, что наш сын, *наси́льно родившийся* на два месяца раньше, не справился. Он был не готов, а его...

Я села на кровати от непонятного смятения, какой-то догадки.

— Старкова, — бесцеремонно перебила вдруг возникшую важную мысль медсестра, открыв дверь в палату, — выписка готова. Можете спускаться за вещами в подвальное хранилище и идти домой.

Я неожиданно разозлилась на Валентину. Она всегда открывала дверь с ноги и вообще не слишком вежлива и деликатна. А сейчас она спугнула какую-то очень серьезную и

важную мысль, на которую во мне что-то откликнулось. Что? Решимость? Потребность? Нет, не то...

Я прислушивалась к себе, пыталась отмотать назад то, о чем думала, но мысль умчалась безвозвратно. Я с досады чертыхнулась и зыркнула на медсестру, застрявшую в двери конвоем — ей будто не терпелось выставить меня поскорее. В ее репертуаре. Весьма неприятная девица. Мне даже забирать, кроме документов, было нечего — паспорт и обменку я, как советовал врач, всегда носила с собой. Кто бы знал, что ее слова о «мало ли что» воплотятся в жизнь так буквально...

Через полчаса блужданий по подвальным переходам по следам указателей я нашла хранилище, оделась в свое беременное платье и прочую теперь неподходящую одежду и вышла на улицу. Поежилась. Не от холода — день был невыносимо солнечный и теплый, даже деревья еще не стояли голыми — все же климат у нас ближе к южному и зимы дождливые.

Меня морозило от опустошения и какого-то глобального, вселенского одиночества.

Это не было метафорой, это была данность.

Я могла вызвать такси, чтобы уехать домой. Но мне было страшно возвращаться, казалось, там поджидает вся бездна отчаяния, вся не выстраданная боль потери и чувство безысходности.

Я подошла к автобусной остановке, но пропустила три

круга всех маршрутов. В итоге ушла с остановки и побрела сама не зная куда — все дороги вели в личный ад.

Больничный комплекс в Перевальске один, зато современный, как и сам городок, большой, с многочисленными корпусами и собственным парком, кафе «ЗОЖ», из которого можно заказывать еду в палаты, и магазином с фермерскими продуктами — медгородок с собственной инфраструктурой, расположенный в центре города рядом со всеми другими важными организациями. Сразу за парком упал горбатый с ажурными перилами пешеходный мост через протоку, ведущий на набережную, следом за которой раскинулась огромная площадь, размерами превосходящая московскую Красную.

Площадь обступают Центральный магазин, модный клуб «Панорама», из которого меня привезли в роддом на скорой; высокое белокаменное с мраморной лестницей здание городской администрации, за которым стоят другие административные постройки; дорогой ресторан, торговый центр и что-то еще. От площади по городу разбегаются дороги, в том числе и Торговый проспект, что ведет к моему дому — только в конце нужно пару раз свернуть на прилегающие улицы.

Когда-то на его месте был старинный базар, ведущий к порту, построенному на берегу основного русла реки. Теперь там речной вокзал, а порт перенесли за город. Перевальск и назван так, потому что город находится на стечении торговых путей: речных, автомобильных и железнодорожных. Го-

родок всегда славился постоянными дворами и меценатами.

Я отвлекалась на мысли о городе, чтобы не думать о своей боли, засевавшей комом в солнечном сплетении, но бесполезно — ноги принесли меня назад к роддому. Меня сюда словно магнитом притянуло. Я стояла и тупо смотрела на двери приемного покоя, не понимая, что я снова тут делаю. Меня тянуло войти внутрь чувство, что я что-то там оставила. Я с трудом пересилила себя и направила стопы в парк, чтобы через мостик пройти на площадь.

В кармане куртки зазвонил телефон. Я вздрогнула, сердце дико забилось, так что дышать стала часто. Взглянула на экран со страхом и надеждой... но нет, это был не Артем.

Я набирала его номер каждый день первые дни. Абонент был недоступен. Я терялась в догадках, что произошло. Ведь он так ждал рождения сына, такие эмоции не подделаешь.

А потом пришло понимание, что ему тоже плохо и больно, ведь он точно знал, что случилось с ребенком. И он просто не мог меня видеть. Или не хотел? Как будто без ребенка я стала ему не нужна.

Снова что-то мелькнуло в голове, как будто та же мысль отозвалась, которую спугнула медсестра. И я замерла, но ухватить эту комету за хвост не смогла.

Телефон больше не звонил.

К уже двузначной цифре приплюсовался и этот непринятый звонок от Жени.

Я шла через площадь, забитую расписными телегами, тен-

товыми павильонами и прилавками — шел первый день ярмарки в честь работников сельского хозяйства. Было многолюдно, шумно, весело... неуютно. Меня все раздражало. Этот смех, зазывалы, музыка, громкие объявления, поединки силачей, пляски и... дети с сияющими восторгом глазами.

Я постаралась пройти площадь поскорее, чтобы оказаться на Торговом проспекте, откуда, похоже, сегодня схлынула толпа. Но на проспекте попала под дождь и прижалась под козырек у какой-то витрины, чтобы переждать первые минуты непогоды, как всегда, самые сильные. Капли летели в лицо, и я развернулась к стихии спиной.

Оказалось, я остановилась около книжного магазина. Через стекло увидела, что внутри есть скамейки для читателей и даже кофемашины. И я решила зайти.

Это известный сетевой магазин, каких полно по всей стране. Просторное двухуровневое помещение с тысячами книг, подсвеченными замкнутыми витринами с дорогими изданиями, цифровая презентация на огромном экране... Я не сразу поняла, что в магазине проходит встреча с писателем. Народу на ней было немного, я не знала этого автора и что он пишет, но присела на стул за спинами остальных гостей.

Оказалось, это автор книг нон-фикшн, где-то даже известный психолог и коуч, который пишет книги о том, как преодолеть страхи, побороть комплексы, противодействовать манипуляторам, выйти из созависимых отношений... Невольно я увлеклась, заслушалась и прониклась интересом.

Когда люди стали подходить за автографами, я взяла все его книги и подошла тоже.

Мужчина мне улыбнулся, так тепло и приятно, очень располагающе. Он определенно хороший психолог, потому что мне захотелось вывалить на него свою боль.

Но народу было много. И я решила, что возьму его визитку и, может быть, если это не очень дорого, попробую попасть к нему на консультацию.

Мне просто необходимо было с кем-то поговорить о своей беде.

— Как вас зовут? — спросил автор стопки книг, приятно удивленный моим интересом к его трудам.

— Екатерина Старкова, — ответила я и вдруг поняла, что горло и губы давно пересохли, потому голос прозвучал излишне хрипло и даже сорвался.

— Все будет хорошо, Екатерина, — улыбнулся психолог и принялся расписываться.

Я следила за его рукой, не читая слова, что он выводил в каждой книге. Какие-то фразы или короткие предложения. Лишь в одной он писал дольше — последней.

Когда он закончил, я не стала задерживаться. Взяла со стола его визитку и свои книги, налила кофе в стаканчик с трубочкой и прошла на кассу.

Дождь теперь моросил, а не хлестал в окна, и я попросила девушку завернуть книги в пакет и положить их в другой, чтобы уберечь от влаги. Вышла из магазина и пошла дальше.

Теперь чуть быстрее, потому что было не так страшно возвращаться домой, будто эти книги меня защитят от бездны боли, что меня там поджидала.

Но до дома я не дошла.

Артем

Оказывается, когда отлучают от любовницы, ломка такая же, как когда бросаешь курить.

Только не существует «Монпансье» от этой тяги («Дитя раздора»).

Пришлось задержаться в Перевальске. Сын родился недоношенным. Я его еще не видел. То есть воочию. Можно было подняться к жене в платный бокс, но я держал с ней связь по телефону и смотрел на сына только через экран смартфона.

Я боялся встретить в роддоме Катю, хотя все знал о ее состоянии и оплатил лучшие лекарства, чем ей назначили, среди которых и действенное успокаивающее. Я беспокоился о ее здоровье — перед глазами нет-нет, да и всплывали страшные образы, в которых она мертвая и с зияющей рваной дырой на беременном животе. Мне это снилось теперь. Нереальные, чудовищные кошмары.

Труднее всего было не звонить ей. Хотелось прийти, прижать к себе и...

Что за этим «и» — я не знал.

Не готов был к рождению сына так быстро. Иначе представлял все это. Планировал быть после всего с Катей ка-

кое-то время, чтобы дать ей время успокоиться и самому убедиться, что она справилась. Потом сказать ей, что наши отношения закончились и мы с Наташей уезжаем.

Но все пошло не так. Я оказался не готов ни к чему из того, что произошло. Я просто струсил. И не мог сам себе объяснить, чего именно боялся. Мне не хватило ровно того времени, что малыш не дотерпел до естественных родов. Но на что мне не хватило этих пары месяцев, я не мог сказать. Не дошел до какой-то черты. Что за ней должно было быть? Момент истины?

Я вздрагивал на каждый звонок, хотя Катя не могла мне звонить — я сменил не то что обе сим-карты, но и телефон. На следующий день после того, как Катю увезли в роддом, пошел и купил комплект для выписки и вспомнил ее слова:

...с хорошей камерой, чтобы фотографировать сыночка и снимать видео...

Так и поступил — сменил старый сотовый лапоть на новую модель айфона и потребовал от Наташи присылать фотографии сына каждый день. Я их и сохранял в папках по датам... как это собиралась делать Катя.

И по магазинам ходил со списком, составленным ею, когда мы гуляли по детским бутикам: радионяня, памперсы, влажные салфетки, бутылочки и десяток разных молочных смесей, коляска, набор для купания... Сотня вещичек, которые, оказывается, нужны человеку с самого рождения. И, кажется, я еще много чего приобрести забыл. Или просто еще не

знал, что будет нужно.

Пока Наташа лежала в роддоме, в коммерческой палате, я успел смотаться в Выселки за кое-какими вещами. Оставил машину около ворот у дома жены и задами прошел до Катиной избышки. Сел на тот же пенёк и... провел там несколько часов.

Теперь, когда Кати этом доме не было, он не казался мне таким уютным. Он будто опустел, выцвел, грустно замолчал.

Все как у меня внутри без нее.

Стекла не отсвечивали горячими солнечными зайчиками, стены не казались теплыми, а ждать проявления жизни на территории больше не приходилось. Не было больше там жизни. Стояла оглушительная тишина.

Только мое внутреннее состояние синхронизировалось с этой притихшей в тоске пустотой и одиночеством, а не с обычным течением жизни вокруг.

Я подошел к задней калитке и дернул ее. И впервые за все время дверь для меня не открылась. Она будто вцепилась замком и петлями мертвой хваткой в забор и больше не желала пускать меня туда, где мне было тепло, уютно, как дома.

Все правильно. Я разочаровал этот дом. Не заслужил и потерял право войти на территорию Кати.

В город возвращался с болью в сердце. Не хотел, но впервые за эти дни после рождения сына почувствовал потребность надраться в хлам и выспаться без кошмаров.

Скоро моего сына выпишут из роддома.

Все получилось, как я задумал.

А радость-то где?

Катя

«ЧиЖ» — современный хостел на Торговом проспекте, хорошо вписавшийся между «Лабораториями для школьников» и семейного магазина одежды и обуви. Кофе в стаканчике закончился как раз, когда я подходила к урне около входа в этот хостел.

Я выкинула стаканчик, постояла пару минут... и вошла внутрь.

Приятный небольшой холл с аквариумами вдоль стены, стойка администратора, слева от которой зияло пятно дверного проема, за которым виднелась лестница. Кожаные кресла прислонились к стене напротив и отгородились от прохода низкими лакированными столиками, на которых лежали визитки и буклеты хостела вперемешку с какими-то журналами. И очень много растительности.

Этот последний факт меня и подкупил. Я люблю зелень. И аквариумы так умиротворяюще журчали пузырьками от аэраторов.

— Могу я вам предложить комнату или койко-место? — приветливо спросила девушка в форменной блузке нежно-мятного цвета и с беджем на шнурке.

«Алина», — прочитала я и кивнула:

— Койко-место. Если можно, в комнате, где уже есть лю-

ди... только без детей, пожалуйста.

— Есть место в комнате на шестерых, на восьмерых, но там пока только одна женщина заселилась.

— На шестерых будет как раз удобно. Там много народа?

— Да, все места заняты, кроме одного. Оно удобное, около окна, как раз рано утром освободилось. Оформляем?

— Да.

— Тогда прошу паспорт или водительские права.

Я достала из сумочки документ, стараясь не смотреть на выписку из роддома и справку. Протянула администратору и, пока она оформляла гостевые документы, осмотрелась.

В дальнем углу увидела дверь, за которой угадывалась кухня, еще одна была открыта и вела, как я поняла, в нечто вроде кладовой для багажа гостей хостела.

— Пойдемте, я покажу вам комнату и что у нас где находится, — отвлекла меня Алина.

— А нет, не сейчас. Я вернусь чуть позже. Можно я пока оставлю у вас книги? — поставила влажный пакет на стойку.

— Да, конечно.

Осмотревшись, я поняла, что задержусь в хостеле на несколько дней. Мне нужна временная буферная зона, нейтральная территория. Я не готова была продолжать жить, потому что все изменилось. Нужно сначала перестроиться. И я очень рассчитывала на психолога, которого сегодня нечаянно услышала. И в хостеле я остановилась, потому что он сказал — *не оставайтесь одни, не изолируйте себя, раство-*

рите внимание во внешней среде.

Но и на эти несколько дней мне нужны были вещи. Поэтому я не глядя засунула в сумочку паспорт, взяла гостевой пропуск и ключик и вышла на улицу. Соседний магазин одежды мне как раз подойдет, аптека на углу тоже понадобится, и супермаркет надо будет посетить.

На все это ушло часа два. В комнату я пришла с набором для душа, комплектом домашней одежды и нижнего белья, кучкой лекарственных препаратов и всякой съедобной всячиной из супермаркета.

Койко-место мне выделили в длинной комнате, оно было отделено фанерной перегородкой, как и все другие. Удобно, что кроме кровати оно захватывало и полметра прохода. Над изголовьем висело лаконичное бра, сбоку — полка-столик и пара розеток, в изножье — вешалка с плечиками. На постели меня ждали теплое одеяло и запечатанный комплект белья — не нового, но чистого.

Через полчаса я уже забралась с ногами на застеленную постель, укрылась одеялом и читала одну из книг психолога, в которой он перед подписью написал: *«Ты сама выбираешь, о чём думать и что чувствовать».*

В общем-то, в этих словах заключался смысл книги, которую я прочитала за ночь под храп соседа напротив, чью-то ссору по телефону, слышную из другого «купе», и звуки фантастической комедии (спасибо, что не психологического триллера и не мелодрамы) из кабинки сразу за мной. Воз-

можно, я бы меньше слышала, если бы плотно закрыла дверь, такую, какие бывают в шкафах-купе. Но я ее, наоборот, приоткрыла, чтобы попадал свежий воздух.

Меня ничуть не раздражали все эти шумы. Они давали мне ощущение не-одиночества, уверенность, что если что-то случится (почему я вообще об этом думала?), то рядом есть люди, которые придут на помощь.

Уснула я под утро и проспала до обеда.

Боль и мрачные мысли все еще владели мной, но я твердила как мантру: *Ты сама выбираешь, о чём думать и что чувствовать... Ты сама выбираешь, о чём думать и что чувствовать...* И это помогало. Едва сознанием овладевали мысли о сыне или Артеме, как в груди сжималось и переставало биться сердце, оно будто дрожало в агонии. Мгновенно становилось жалко себя, и на глаза выступали слезы. Сначала я не могла бороться с этим и плакала не раз, не два и не десять, слезы и эта боль стали перманентными...

...но через неделю мне стало капельку легче.

Я читала уже третью книгу психолога, на этот раз подчеркивая и обдумывая некоторые его мысли и советы и за неимением закладок загибая уголки страниц.

Один совет запал мне в голову. Я еще не знала, как подступиться к его воплощению в жизнь. Прежде всего мне нужно было вернуться домой.

Артем

Несколько часов до Краснодара я несея так, будто решил собрать все возможные штрафы — договорился с риелтором о встрече в доме в пригороде, который присмотрел по интернету.

— Слева живет пожилая семейная пара, справа дом аварийный, давно стоит пустой — владелец просит неадекватно большую сумму, — рассказывал мне молодой парень с энтузиазмом. — Ваши хозяева появляться не будут, оплата идет через счет нашей фирмы и по всем вопросам, конечно, обращаться тоже к нам.

— Угу... — кивнул я, осматривая высокие потолки, лестницу на второй этаж, выход на террасу... — Как давно менялась электрическая проводка, где щиток и...

...еще полсотни вопросов, которые у меня возникали по ходу знакомства с домом. Оставив фирме пару заявок на установку дополнительного оборудования, я подписал документы, оплатил дом на два месяца вперед и депозит и поехал ночевать в гостиницу — меня тяготила тишина и одиночество. К тому же до того, как я привезу сюда жену и сына, мне предстояло подготовить детскую.

Я выбрал для нее самую большую комнату с собственной ванной и французским окном. Спальня рядом была небольшой, но мне казалось, что и этого пространства для нее много.

В гостинице я расположился с планшетом в ресторане, заказал еды и выпивки и штудировал сайты местных он-

лайн-магазинов. Риэлтерская контора обещала выполнить мои поручения за ближайшие три дня, поэтому доставку покупок я заказал на более позднюю дату.

Не заметил, как пролетела ночь.

Еда осталась нетронутой, зато пузырь почти опустел. Я поднялся в пустой двухместный номер, разулся, запер дверь, приоткрыл окно и упал на кровать, даже не раздевшись.

Утром проснулся от головной боли. Сел на постели и понял, что сегодня мне не снился кошмар про Катю. Но она все же снилась — привез в арендованный дом ее, с ней ходил по комнате в качестве риелтора и говорил ей с гордостью, что выбрал для нашего сына самую большую комнату, как она и хотела... Бред какой-то...

Катя в принципе не выходила у меня из головы, я думал о ней постоянно, даже если не думал. Это тяжело, но к этому нужно было привыкать. Наш сын всегда будет напоминать мне о ней. С этим как-то нужно будет жить.

Очень хотелось ей позвонить. Она наверняка на меня обижена или даже очень зла на то, что исчез из ее жизни, не поддержал.

Я гнал от себя мысли, что боль от потери ребенка может затмить обиду на меня. Лев Константинович сказал, что ее боль пройдет быстро, как бы цинично это ни звучало. Она не видела своего ребенка, не знает как это — держать его в руках, кормить грудью. Не знает его запаха, не видела его лица. Ее руки и глаза не знали младенца. Я надеялся, что он

прав, и цеплялся за эти слова врача.

Главное, что она здорова и может иметь еще детей.

Нет, я достаточно сломал ей жизнь, не имею права мучить ее еще больше. Как бы мне ни хотелось услышать ее голос — не должен. Я сам это все сделал, к чему теперь муки совести, горькое сожаление и эта слабость?

Я убрал телефон в карман.

Мне было чем заняться — нужно было еще многое сделать до приезда жены и сына.

Я быстро принял душ и вышел из гостиницы.

Пора было съездить в пару мест, выяснить, могу ли я рассчитывать на работу там, где ее присмотрел.

Дорогие читатели!

Рада видеть вас в продолжении истории Артема, Кати и Наташи. Будем распутывать клубки семейных тайн, попытаемся понять, что стало причиной поступков героев. Буду рада комментариям, но прошу не оскорблять персонажей. Святых я еще не видела. И прямолинейных картонных героев, как в комиксах, где зло — черное, а добро — белое, я не пишу. Мои герои совершают поступки, неважно — плохие или хорошие, они пытаются преодолеть свои слабости и решить проблемы, которые, как и мы все, создаем себе сами, они совершают порой роковые ошибки, но готовы меняться и исправлять навороченное.

Не забудьте забрать книгу в библиотеку.

Глава 2. А где в этой схеме я?

Будьте заняты. Это самое дешевое лекарство на земле — и одно из самых эффективных.

Предложенная зарплата не воодушевляла, но нужно было с чего-то начинать. Снова собирать собственный автопарк.

Или вообще заняться чем-то левым?

Наташа теперь сядет дома, а на меня ложится двойная нагрузка — содержать жену, арендованный дом, ребенка. Никогда не задумывался о том, куда жена тратит свою зарплату. У нас с ней общий счет — мой, и она всегда все оплачивала с него, кажется, даже безделушки мне на день рождения тоже. Но куда уходила ее зарплата? Корпоративная карта у нее от другого банка, я за ее тратами не следил.

Мне никогда не нужны были деньги жены, я даже не вспоминал о них, но вот сейчас какое-то время ей придется придержать свои хотелки, и финансовая подушка нам не помешала бы. Я часть заработка откладывал на накопительный счет, на который капали неплохие проценты, записывался весь кешбэк и разница до округленных сумм. Это неприкосновенный запас.

Открыл банковское приложение и посмотрел остаток на активном счете. Залез в историю, чего никогда не делал, и не понял, что за переводы увидел. Суммы отгрызались небольшие, не больше пяти-десяти тысяч, но достаточно часто.

Что за хрень, черт возьми?

Заказал выписку по счету за все время. Обещали прислать на электронную почту. Я закрыл приложение — потом разберусь — и поехал проверить, как обстоят дела в доме.

Переезд — это финансовый Армагеддон. Даже мне, далекому от дизайна, было очевидно, что денег сюда уйдет немало: посуда, шторы, детская мебель, постельное белье...

Мне все это не надо — в домах живут только женщины и дети, мужики приходят туда помыться и переночевать. Потому пусть Наташа занимается минимальным благоустройством, а мое дело маленькое — деньги зарабатывать.

Краснодар, как временный город проживания, я выбрал неслучайно — у меня в ста километрах от него имелся в собственности участок земли. На нем я собирался строить для своей семьи дом с видом на море. На неприкосновенный накопительный счет я и откладывал финансы на эту затею.

И что жена отщипывала от общего счета понемногу и никогда мне об этом не говорила, неприятно задело. Я вроде чеков не требовал, в тратах в рамках разумного не ограничивал — и тут такое...

Подумал было снова открыть приложение и отвязать Наташу от совместного баланса, но решил сначала все выяснить — подбить масштаб недоверия и задать вопросы жене.

С таким вот неприятным осадком на душе, добавившимся на угрызения совести из-за Кати, я занимался делами. Летал на «Лексусе» из одного места в другое как сраный веник:

пройти медкомиссию; посмотреть, как сделали то, что просил, в доме; настроить новые предложения на телефоне; принять доставку и расставить мебель в детской; покрутиться по окрестностям — посмотреть, что находится рядом; сгонять на участок — зарос, к чертям, так, что границ не видно...

На ночь перед возвращением в Перевальск остался в арендованном коттедже. Выбрал совсем небольшой: холл-гостиная и две комнаты внизу и еще одна с балконом — под крышей. Дом родителей Наташи в два раза больше. А территория тут вообще никакая. То есть почти никакой — от силы хватит места поставить небольшие качели и насыпать горку песка.

Но я задерживаться тут не собирался, потому что все временное быстро становится постоянным — дело привычки. А я и так на несколько лет задержался в доме родителей Наташи. Надоело чувствовать себя приживалой, хотел иметь свое. И откладывать строительство своего гнезда дальше просто некуда.

Набодяжил растворимый кофе в новую кружку, достал из пакета готовые отбивные и отварную картошку, отрезал толстый ломоть хлеба и уселся перед висевшей на стене плазмой полистать местные каналы.

Только чем бы я ни занимался, из мыслей не выходила Катя. Я помнил, что привезу сюда Наташу, но куда бы ни посмотрел, представлялась Катя. Как она осматривается с легкой улыбкой; как подходит и благодарно целует, обвив шею

руками; как смотрит ласково и предано; как идет в кухню быстренько приготовить что-то мое любимое и устроиться у меня под боком на диване... И это все бы еще ничего, но я не мог представить жену с моим сыном на руках... и ни разу не видел, между прочим — она всегда снимала видео и показывала сына, когда он лежал в кроватке. А вот Катю я запросто и сам того не желая будто воочию видел: как баюкает сына, целует в лобик, что-то тихо напевает и смотрит на ребенка с такой любовью, а на меня после с таким восхищением и счастьем, что я орать хотелось в голос.

Это просто невыносимо!

И мне невыносимо хотелось ее себе в руки сейчас. Пекло бок, к которому я мог бы ее прижимать, пока слепо пялился в детективный сериал, зудели пальцы, которыми мог бы трогать ее, голопошую. Губы чесались от желания целовать ее, а член торчал как автомат Калашникова, готовый расстрелять штаны.

Я только пыхтел и сопел от жесточайшего возбуждения обвить всем собой податливую и горячую Катю...

Эта была пытка почище мук совести. Я подсел на Катю крепче, чем думал, выдирать ее приходилось из себя с кровью и нервной системой. Мне просто нельзя было находиться в состоянии покоя, потому что Катя набрасывалась на меня изнутри и терзала, вызывая все чувства разом.

Я не выдержал этого испытания сегодня.

Катя

Неделя в хостеле, а вещей забрать домой набралось столько, что пришлось покупать сумку. Шов еще доставлял дискомфорт, я снова спала только на боку и вообще избегала напряжения на нижнюю часть живота, поэтому решила купить сумку-тележку. В ней везла трехлитровую банку свежего меда и круг домашнего сыра — я все же сходила на ярмарку.

Пока шла, присаживалась везде, где находила место отдохнуть, и чем ближе подходила к дому, тем чаще останавливалась. Около дома просидела долго. Смотрела на свои окна и не могла решиться подняться в квартиру.

Но уже вечерело, не ночевать же на улице. Это глупо. Все равно мне придется жить дома.

Хотя...

Никогда и мысли не было, а тут вдруг подумала, что квартиру можно продать или обменять. Может, вообще уехать из города? Куда-нибудь к морю поближе, от Артема и Наташи подальше. Город у нас небольшой, однажды за углом встретимся.

Наверное, эта мысль меня и подогнала.

Я встала и решительнее зашагала к подъезду.

Хорошо, что послушала продавца и взяла сумку на высоких резиновых колесах — затягивать на ступеньки тележку было легко, хотя нагрузила я ее порядком.

Замок отперла тоже вполне уверенно. Но вот когда зашла в квартиру, взгляд упал на стены в детской, и перед глазами

все поплыло от слез.

Я бросила сумку у порога, прошла и захлопнула дверь в детскую. Разделась и разулась, вошла в спальню...

Только и тут от триггера спрятаться не вышло. Потому что сразу в глаза бросился лежавший на комодке прозрачный шуршащий пакет с комбинезончиком.

И меня, наконец, безжалостно накрыло.

Эта ослепительно-желтая вещичка выжгла все усилия держать себя в руках, которые я тренировала все эти дни. Двенадцать сантиметров поперечного разреза под пупком... Разве я теперь когда-нибудь смогу забыть о своем горе, когда напоминание о нем теперь буквально вырезано на моем теле?

Обессиленная истерикой, я не помнила, как уснула. Наверное, психика просто не выдержала и вырубилась. Я проснулась на следующий день далеко за полдень. Чувствовала себя так, будто... слов не было и сравнивать это ни с чем я не могла. В моей жизни уже была боль — когда я потеряла родителей. Теперь вот и сына...

Навалилась такая апатия... Я не ела, не включала телевизор. Иногда делала глоток воды, плакала и спала, вымотанная и опустошенная. Вот реально ведь опустошенная. С трещиной-швом на теле над пустотой.

Не могла справиться. Одной не получалось.

Чтобы прийти в себя, решила заняться чем угодно, плавно сворачивая на необходимые дела.

Пошла в ванную, глянула на себя в зеркало в коридоре и пришла в ужас. В гроб краше кладут. На всякие процедуры потратила часа три. Душ, крепкий чай. Потом нашла корейские маски и выбрала «Для сияющей кожи». Потом патчи против отечности век, потом привела в порядок волосы. За время беременности стрижка потеряла форму, и я решила выползти в парикмахерскую, заодно купить фруктов и свежих овощей. Зачем только? Все равно ком в горле мешал, горло постоянно было словно сдавлено, в него протекала только жидкость.

До вечера я искала, чем себя занять, лишь бы и на минуту не останавливаться и не дать себе шанса снова скатиться в апатию и истерику. Телевизор включила громко, чтобы перебивал мысли. Желтую детскую вещичку — триггер, который лишал меня сил сопротивляться горю — и унесла в детскую. Просто поскорее кинула в пустой комнате и снова захлопнула дверь так, будто за мной гнались адские псы.

В спальню почти заскочила, трясущимися руками схватила ноутбук и полезла смотреть мебель — мне срочно нужен был шкаф, чтобы поставить в коридоре перед дверью в детскую. Так как раз удобный угол между ней и входом в мини-гостиную.

Открытый шкаф нашелся быстро. Выбрала почему-то черный и заказала доставку со сборкой на завтра.

Так прошел еще один день отложенной жизни.

Нужно было получить через Госуслуги справку о смерти

сына, но я никак не могла решиться на этот шаг. И на работу выходить надо было. Но для этого пришлось бы вернуться в Выселки. Вот уж чего я не смогла бы вынести, так это вопросов соседей о том, где мой ребенок.

Нет, никаких Выселков. Значит, увольнение и поиск работы в городе. Знать бы еще, чем заняться.

Было уже темно, когда я включила бра и снова открыла книгу психолога о философии стоицизма. Но не успела даже страницы прочитать, как в дверь требовательно позвонили.

Я вздрогнула, села на постели и зачем-то схватила подушку. Сердце бешено забилося, руки затряслись, а ноги ослабли.

Там точно Артем. Больше никому. Никто больше не знает этот мой адрес.

А я одновременно очень хотела увидеть Артема, но гораздо больше боялась этой встречи.

Звонок повторился и продлился с полминуты. Вдогонку раздался стук в дверь — так стучат, когда случается пожар.

А он в моей жизни сейчас и случился. Меня колотило, как котенка-сфинкса на льду, выпотрошенное нутро горело ничуть не меньше, чем лицо. Я едва ли не на согнутых, очень слабых ногах подобралась к глазку и зачем-то зажмурилась до того, как заглянула в него.

— Катюш, я слышу, как ты дышишь, пожалуйста, открой. За дверью стоял Женя.

Я сглотнула и открыла дверь.

Женя был взволнован. А я... Вообще не ожидала увидеть его на пороге своей квартиры.

Дверь отомкнуть получилось со второго раза — руки тряслись и вспотели так, что привычное легкое движение потребовало усилий, а первый раз пальцы с замка просто соскользнули. А когда распахнула, сразу оказалась в руках визитера.

— Катюш, как ты?

Его руки на моих плечах, взволнованный взгляд, наклоненная к плечу голова, чтобы заглянуть мне в глаза, и вся поза, будто он готов к решительному рывку... Всего этого вместе с вопросом, заданным полным участия и сострадания голосом, я ждала от Артема, а принес мне это совершенно чужой мужчина.

Я всхлипнула, закусила губу... но все же некрасиво разрыдалась.

Артем

Напиться — не вариант. Погонять зверя в кулаке на Катин образ — запредельный треш. Мне нужно было переключаться на семью — жену и сына. Времени на примирение с Наташей после акта агрессии в туалете клуба не было. Но я был настроен серьезно — ей придется считаться с моими желаниями, надобностями и возможностями.

Но воспитательный процесс пока откладывался до ее возвращения домой.

Они с сыном долго лежали в роддоме. На маленького человека валилось то одно, то другое. То он лежал в камере, то не набирал вес. Наташа говорила, что когда его наконец перевели к ней в коммерческий бокс, она думала, что он вообще умер — сын спал сутки и не шевелился. Не реагировал ни на что вообще — настолько был слаб, что будто и не жив. Кормить его приходилось насильно, заставлять глотать. Жене помогала медсестра — за деньги теперь даже флеш-моб медсестер можно купить, — поэтому я был относительно спокоен.

Но прошло больше двух недель.

С одной стороны, это было время, когда я как бы еще ничего не натворил. Ну... почти. Еще можно было вернуть сына матери.

С другой стороны, это было время, когда жена под приглядом врача и медперсонала училась обращаться с ребенком и привыкала к нему.

А мне просто нужно было как-то разобраться в том кошмаре, в который превратилась моя жизнь. Я вообще не чувствовал себя спокойно. Меня разрывало разными эмоциями.

Я тосковал по Кате, как Хатико по своему пропавшему человеку. И злился на себя, что не заметил, пропустил момент, когда она просочилась в кровь и теперь портила ее денно и нощно.

Я злился на жену, а она не прекращала поддерживать эту злость.

— Выписка завтра с двенадцати часов, — предупредила она, когда позвонил ей по видеосвязи уже практически ночью.

Я выматерился от души, потом поинтересовался зло:

— А что ты не сказала завтра в полдень?

— А тебе что, неделю ехать? — так же зло ответила она.

— И ты где вообще? — нахмурилась, забежала взглядом вокруг меня.

— В Краснодаре, дом снял в аренду.

— Могу себе представить, что ты там снял... — фыркнула, и у меня вдруг вздыбилась от протеста кожа. А Наташа уже атаковала новым вопросом: — И когда ты собираешься туда заселиться?

— Завтра заберу вас с сыном и сразу поедем.

— Не выйдет. На второй день педиатр придет из поликлиники. И вообще... — она замолчала.

— Что вообще? — нахмурился я. — Ты передумала уезжать?

— На это даже не рассчитывай, — замотала она головой. — Но сначала надо свидетельство о рождении получить. Кстати, а прописка? Ребенка надо прописывать, если не хочешь, чтобы к тебе служба опеки пришла.

— В доме в Выселках же можно прописать?

— Ты дурак? Чтобы по деревне тут же поползли слухи, откуда у нас взялся ребенок в то же время, когда твоя блядь спала с живота?..

Меня дернуло это «блядь». Наташке повезло, что она это сказала по Ватсапу. Иначе бы я схватил ее за тонкую шейку и заставил подавиться этим словом.

Катя — не блядь. Не шлюха.

Она хорошая девушка. То, что я сделал ее своей любовницей — моя вина. Она просто меня полюбила. Имеет право на чувства. Я в ее любви купался и нежился. Я чувствовал ее поддержку и уважение. Всегда чувствовал, даже когда Катя еще не стала моей любовницей. Она видела во мне мужчину, человека и никогда слова плохого о Наташе не произнесла.

Разумеется, жена имела право на ревность, обиду, злость... Но не имела права оскорблять Катю. В конце концов, это Наташа сейчас в роддоме с сыном, которого Катя родила.

Стало больно ладоням — оказалось, я так крепко сжимал кулаки, что впился в кожу подстриженными под основание ногтями.

Мне придется серьезно поговорить с женой. Но не сейчас. Сейчас это будет бестолковый разговор — через экран Наташу не проймешь. Да и я просто знал, что она тупо прервет звонок. Это будет аналогом ее привычного разворот на пятках и хлесткого удара волосами по лицу. Это приём у жены отработан с юности. Один из тех, что раньше меня восхищал, делал ее непокорной в моих глазах, той девушкой, одобрения которой нужно заслужить, за которую стоит бороться. Капризной, но заманчивой целью.

Теперь меня это бесило и держало на дистанции. Я как-то незаметно для себя стал отходить от жены, прежде чем сказать ей что-то важное. И все чаще выбирал промолчать, потому что знал, что в ответ получу «пфф», или «фрр», или презрительно поджатые губы...

Что с ней стало не так?

Нет, не с ней — со мной. С ней как раз все до оскомины привычно, все ее реакции предсказуемы. И моя — тоже.

Я: что-то предложил.

Жена: фыркнула.

Я: побежал переделывать, как хочет жена.

Че-ерт возьми... А где в этой схеме я?

— ...Эй, ты там уснул? — услышал громкий голос Наташи.

— Чего ты орешь рядом с ребенком?! — вызверился я на нее сразу за всё.

— Да ему плевать на шум, — отмахнулась жена. — Они глухой.

— В смысле — глухой? — испугался я так, что яйца поджались, в глазах потемнело и руки затряслись.

Катя

— Я не знаю, что говорить... чем помочь...

Женя был растерян. Мы сидели в кухне. Передо мной стоял наполовину пустой стакан воды, а перед гостем полный, но уже второй. Как в жизни: в моей — наполовину пустой,

в его — чрезвычайно полной.

— Не надо ничего говорить, — шмыгнула я носом, вытирая мокрые от слез щеки депутатским платком. — Спасибо, что выслушал. Мне этого не хватало, — я слабо улыбнулась.

Мне правда стало легче. Разделить беду с кем-то, просто выговорившись — оказывается, это так важно.

— Катюш, если я могу чем-то помочь...

Женя положил руку на мою и чуть сжал пальцы. Это было так... мощно. Жест дружеский, но меня словно взяли за руку и повели над пропастью, давая уверенность, что не упаду, что удержат, что опасности сорваться больше не предусмотрено.

— ...Только скажи. Я все сделаю, что смогу.

И что не сможет никто другой. Жене по статусу больше возможностей открывается.

— Я пока не знаю, что дальше, и нужна ли мне помощь.

— Я завтра в Выселки еду, может, поедешь со мной? Тебе надо какие-то дела там сделать?

Больше всего я боялась ехать в деревню. Но он прав — мне нужно уволиться и проведать дом. С депутатом не так страшно, но ведь он не со мной возиться туда едет.

— Я... Да... Нет, потом... — замялась я, а глаза снова намокли.

— Не-не-не, Кать, не плачь! — кажется, Женя испугался. — Я все понимаю и буду с тобой!

— Я дом хочу продать. Наверное...

Как-то жалко его стало. Артем столько в нем сделал, там ничуть не хуже, чем в городской квартире: теплый туалет, ванная, стиральная машинка, вода в доме, отопление, генератор и все такое. У нас таких домов в деревне не так и много. И место хорошее — на параллельной с центральной улице, а на задворках лес с небольшой болотиной, и дальше — небольшой приток, впадающий в реку. Живописно. А воздух какой!

— Вот как раз еду инспектировать два новых проекта. Слышала про автокинотеатр и торгово-развлекательный центр?

— Да, но ничего конкретного.

— Там все конкретно. Приглашены журналисты и владельцы — москвичи, известные олигархи. В газетах будет интервью с ними и архитектурский проект, так что после статьи цены на дома в Выселках взлетят. Тогда и имеет смысл продавать, если не передумаешь. Я, кстати, наоборот завтра там купить землю под строительство собираюсь. Дотянул, что цены уже поднялись, но еще успеваю. Поедем вместе? Покажешь мне свой дом?

Он улыбнулся. А я вдруг поняла, что отвлеклась от своего горя. На минутку, но забыла о нем, не думала совсем.

— Ну... мне надо уволиться, чтобы без отработки, и... — Я задумалась, быстро перебирая в памяти, есть ли что-то, что еще я бы забрала сюда до продажи дома. Ведь перевозила не все, многое там осталось. Жить я там больше не хотела,

но когда-нибудь как дачу использовать — святое дело. — Да, мне надо посмотреть, что забрать сюда.

— Вот и отлично. А работу ты уже нашла? — спросил и тут же ударил себя по лбу ладонью: — Господи, что я несу... — Я не успела понять, за что он себя ругает, как он ошарашил: — Катюш, а не хочешь со мной поработать? Платить буду не так чтобы много, но разных плюшек вдогонку полно типа бесплатного питания, проезда, санатория и всего прочего. Мне как раз пара помощников полагаются.

— Так я ничего не понимаю в твоей работе, — засомневалась.

— Один человек нужен для работы с населением: принимать жалобы, помогать составлять заявления, направлять их куда надо, отвечать на вопросы, которые не требуют моего вмешательства, и так далее. Второй помощник — на бумажную работу: разбирать почту, писать в инстанции и сопровождать меня везде, где требуется. Личный ассистент. Я бы тебя хотел видеть на этой должности. Но пока я не нашел в приемную кого-то, одному помощнику придется совмещать, так что работы будет по горло и даже больше. День ненормированный, но...

— Я согласна! — перебила депутата, который даже взмок то ли от объема работы, то ли стараясь меня убедить.

— Фу-у-х-х... — протяжно выдохнул он и засмеялся. — Ты не представляешь, как я рад. Видишь, презентации делать не умею. Если бы ты меня после такого предложения

отправила лесом, я бы понял.

— Ненормированный рабочий день — то, что мне сейчас нужно, — я улыбнулась. Хотя ничего не понимала в инстанциях, заявлениях и прочем, но это меньшее из зол. Научусь, разберусь, смогу. — Чаю? Кофе?

— Не откажусь. Ты составишь мне компанию?

Я кивнула.

— А ты ел вообще? — Бросила взгляд на настенные часы и чуть не задохнулась — три часа! Он три часа сидит со мной и будто даже и не собирается уходить, не торопится, не бросает меня в такой момент. — Ой... Я тебя задерживаю. Так неудобно...

— Прелесть быть депутатом в том, что ни перед кем не отчитываешься, кроме народа. А народу нужен результат, хоть совсем не работай. Давай поедим. Омлет сделаешь? Есть из чего? Я могу сходить за молоком.

Я глянула в холодильник и согласилась:

— Да, давай. Еще нет хлеба.

— Замечательно!

Женя поднялся, а я удивилась — что замечательного-то? Депутат умчался, будто на пожар. Я даже в окно выглянула посмотреть, не побежит ли он в гастроном. Он не побежал, но шел очень быстро. Улыбнулась и принялась, пока жду, нарезать копченое мясо.

Женя вернулся очень быстро — еще бы! С такой-то скоростью! И в руках держал торт и букет цветов. И два полных

пакета из гастронома.

— Я, конечно, тот еще добытчик, все больше на прилавках охочусь и шкуру мамонта не принесу, но... Когда к тебе шел, понимал... А сейчас нам вроде есть что отпраздновать, да? Твою новую работу. Да? А цветы... помнишь, я хотел пригласить тебя на свидание... — Он замялся. — Прости, все это тебе сейчас даром не надо. Вот я идиот...

А я...

Села за стол, уткнулась в букет и подумала об Артеме.

Он сейчас должен со мной быть, поддерживать, помогать пережить горе. Я бы простила ему исчезновение без вопросов, если бы он был равнодушен к сыну. Но нет, он очень его ждал. Он любил его еще не родившегося. И меня он тоже любил. Женщина чувствует, как к ней относится мужчина.

Но, кажется, я просто видела то, что хотела видеть, придумала то, чего быть не могло. И мне пора строить свою жизнь без него.

— Я согласна, Жень. Я пойду с тобой на свидание.

Глава 3. Первый день он трудный самый

— А как ты меня вообще нашел? — спросила я Женю, когда мы уже закончили завтрак и пили чай с медом и сыром.

Женя принес полные пакеты продуктов. Ему неоткуда было знать, что мне мало что надо, поэтому он купил всего, но больше разных фруктов и всякого печенья — сказал, не знает, какие люблю, потому брал всего понемногу.

— Да это нетрудно было, — пожал плечами депутат, — попросил начальника полиции помочь.

— Понятно...

Мне очень хотелось попросить Женю, чтобы нашел Артема, узнать, почему он бросил меня в такой момент...

Впрочем, пора было вытряхивать из головы и сердца мужа бывшей подруги. Теперь он найдет новую любовницу, нагуляет другого сына... Зачем ему еще одна женщина, которая не смогла выносить ребенка?

Только вот Наташа сама так захотела, а я... не понимала, что произошло.

Сердце сжалось, потом сильно забилося, даже руки задрожали.

Нет, мне нельзя думать больше об Артеме.

— Хочешь поехать со мной в администрацию сейчас?

Сделаем тебе пропуск, я напишу намерение взять тебя на работу для твоего начальника, чтобы не отрабатывать. Можем оформить переводом, чтобы стаж был непрерывный...

Я смотрела на молодого мужчину и задавала себе вопрос: чем я заслужила вот это всё? Вселенная хочет меня спасти от горя и дать второй шанс стать счастливой?

— Жень... Ты должен кое-что обо мне узнать до того, как мы пойдем с тобой на свидание. — Я сглотнула и посмотрела в глаза депутату. Он ответил серьезным взглядом, готовый слушать. — Это был ребенок Артема...

Я запинаясь, исповедовалась, рассказывала, как все произошло, с самого начала. Жень слушал очень внимательно и не перебивал. Кажется, вообще не шевелился. И эмоций своих тоже не выдавал.

А когда я закончила о нас с Артемом, все же не удержалась и добавила:

— Я не понимаю, куда он пропал. Почему не позвонил ни разу, не спросил, как я... Он словно сквозь землю провалился.

— Он все знает, — ответил Жень. — Артем оплачивал более эффективные лекарства для тебя, каждый день спрашивал о твоём состоянии.

Я замерла на это неожиданное откровение. Было приятно услышать, что Артем заботился обо мне после всего... Но тут же накатила еще большая горечь.

— Но почему же он пропал? Я звонила ему по сто раз в

день...

Не нужно было говорить о бывшем любовнике с женщиной, только что пригласившем меня на свидание, но в то же время это последний момент, когда еще можно.

— Сам не понимаю. Я знаю его давно и достаточно хорошо... Ну ты помнишь, что мы одноклассники. Артем всегда был более чем серьезным парнем, ответственным. Целеустремленным и до фанатизма упертым. Я всегда думал, что быть ему олигархом — есть у него деловая хватка, стратегическое мышление. Он способен на поступки, не боится рисковать. Я всегда думал, что и жена у него будет под стать. Но когда узнал Наталью, очень удивился. Наташа... кукла и стерва. Их отношения с Артемом как бы искусственные, что ли... Я не знаю, как это объяснить. Но я не поверил в их семью.

— Хм...

Я задумалась. Мне так никогда не казалось. Артем Наташу на руках носил, любое желание выполнял, души в ней не чаял. Я же видела, как смотрел на нее с... азартом. И восхищением. Она — королева, которая уверена, что ее любят, а он оправдывал эту уверенность на все сто.

Мне перепало лишь немного того, что мог дать своей женщине Артем. Но я ни о чем и не просила. Сама для себя неожиданно вошла в его семью, хотя и не делала первый шаг. Но, надо быть откровенной хотя бы с собой, все же уступила его напору и согласилась на роль второй.

Артём мне всегда нравился как человек, как мужчина в том смысле, что я такого хотела и для себя. Надежного, способного стать опорой и решить все проблемы.

Да, я могла согласиться с тем, что Артем не легкомысленный человек, ответственный и точно упертый — уж это я на себе прочувствовала. Если что-то решил — прет комбайном и сметаёт все на своем пути. Это даже в мелочах проявляется.

— *Артем, не надо мне пластиковые окна ставить! Ну как они на моей халупе смотреть будут?*

На следующий день все окна уже заменены, и пластик на них под дерево — с рисунками сучков и годовых колец. Я даже не поверила сначала, что это пластик — смотрелись как деревянные.

— *Артём, где я буду бензин для генератора брать? Не надо мне его! Подумаешь, со свечкой посижу. У меня плитка есть и газовые баллончики, если подстанция надолго вырубится.*

На следующей неделе генератор подключен вместе с отоплением, и канистра с бензином с тех пор всегда полная.

Да даже в магазине так бывало: я посмотрела, например, на дыню — цена заоблачная, потому что рано еще для бахчевых, и прошла мимо. А на кассе обнаружила ту самую дыню в тележке. Артем не принимал отказов и аргументов, что дыня, скорее всего, безвкусная. Лишь когда сам убедился, что вкус и правда травяной, согласился:

— *Ты была права. Но я должен был убедиться.*

В этом весь Артем.

Какие бы ни были грабли — он должен получить по лбу, чтобы пойти другой дорогой к цели. Он всегда платил по счетам за свои ошибки и за свой успех.

— А как вы подружились с Натальей? — спросил Женя.

У меня случилось дежавю. Но я рассказала.

— Помнишь трагедию на пароме?..

Несколько лет назад шоссе, ведущее в город, провалилось — хорошо, что на том участке в тот момент не было машин. Пока изучали, в чем причина, и строили мост над геологически нестабильным местом — оказывается, там проходит разлом земной коры, в город можно было попасть только с помощью парома.

Но то ли паромщик был пьяный, то ли паром настолько дряхлый, то ли его перегрузили, но он перевернулся на быстром течении и люди ушли под воду вместе с машинами. Кому-то удалось спастись, но вот родителям Наташи и моему отцу — нет.

У Наташи была бабушка, а я три года провела в интернате. Потом вернулась в наш с отцом дом. А с Наташей познакомились поближе уже в институте, когда узнали друг друга — первый раз виделись на панихиде по погибшим.

В деревне наши дома стоят на разных улицах. Их дом был самым богатым в то время, самым красивым и большим. А мой отец был простым работягой, растил меня один — мама

умерла, когда мне было восемь лет.

Папы вообще не должно было быть на пароме в тот день. Я узнала, что у него была в городе женщина, к которой он поплыл. До сих пор для меня загадка, почему он не рассказал мне о ней. Оксана оказалась хорошей девушкой, навешала меня в интернате, плакала вместе со мной по отцу. Она сказала, что он не хотел обидеть меня новыми отношениями, потому что очень любил и берег.

Наверное, если бы он не скрывал свою новую любовь, у меня бы была приемная мама, папа был бы жив, и я бы не стала любовницей женатого мужчины... так похожего на моего отца своей обязательностью, нежностью, заботливостью...

Я снова расплакалась.

Женя переставил табуретку к моей, сел рядом и прижал к своей груди мою голову. Гладил по волосам и, показалось, незаметно целовал. Но я чувствовала только его поддержку и сострадание, и никакого намека на похоть.

— Прости, что все утро заставляю тебя плакать, — попросил он. — Давай я сполосну чашки, а ты пока соберешься? И поедем. Не стоит тебе киснуть одной со всем этим.

Я закивала, шмыгая носом. Он был прав.

— Только я теперь опухшая от нытья. Приду в администрацию — что там подумают?

— Ты даже заплаканная красивая, Катюш. Давай иди собирайся.

Он так тепло это говорил, что мне снова спокойнее стало.

— Жень, а откуда ты знаешь, что Артем оплачивал и... все такое?

Я не смогла не спросить. Мне еще не хватало сил расстаться с Артемом, а эта новость всколыхнула надежду снова увидеть любимого мужчину.

Господи, ну что я за дура такая, а?!

— Я тоже каждый день звонил. Ты не брала трубку, и мне пришлось узнавать все у медсестёр. Я собирался привезти нужные препараты, но мне сказали, что все уже оплатил отец ребенка.

— Но это мог быть не Артем.

— Не мог. Он сам сказал, что он отец. Я хотел с ним поговорить об этом, но в клубе было не место, не время и не то состояние, а потом он как сквозь землю провалился. Забрал Наталью из клуба почти сразу, как тебя увезли на скорой. Так грубо ее схватил и на выход поволок, будто убить хотел. Я позвонил на следующий вечер, когда отоспался, но он уже был недоступен.

— А-а... начальник полиции... — наводила я на ответ — пыталась я узнать что-то еще.

Но Женя лишь руками развел:

— В Выселках его нет. Сосед сказал, они с женой переехали на постоянное место жительства в Перевальск, но и здесь его найти не удалось. Исчез. И мне это не нравится...

Артем

Я топтался в комнате выписки новорожденных.

Мне было нехорошо. Очень нехорошо. Я словно выпал из окружающей действительности. Она маревом проплывала мимо, я слышал произнесенные чьими-то глухими голосами обрывки фраз так, словно у меня заложило уши. Перед глазами то летали белые мушки, то наползали белесые пятна. Я не чувствовал тела, меня будто мотало в невесомости, хотелось прилечь — такая накатила беспричинная слабость.

Держался из последних сил.

И это чертово состояние не имело ничего общего с радостью. Я простодох физически.

Чтобы не упасть, привалился к стене спиной и задрал голову, прижимаясь затылком к прохладной поверхности. От этого простого движения меня повело и затошнило. Еле удержался на ногах и опустил голову. И сразу почувствовал резкую боль под черепом.

Да что со мной?!

Кто-то подошел ко мне — я не мог сфокусироваться, а громкий голос звучал будто в кастрюле, бился о ее стенки и дико раздражал. Я сжал голову руками и сморщился.

И все исчезло. Кроме тишины и темноты.

А потом в нос ударил резкий запах, кто-то легонько бил меня по щекам.

— Ну вот и молодец, папочка, пришел в себя, — прошебетал незнакомый голос. — От счастья в обморок упал. Ничего страшного, и такое бывает.

Я с трудом открыл глаза. Мне все еще было очень хреново. Повести глазами, чтобы осмотреться, было трудно. Но я понял, что сижу у стены на полу, а жена держит меня за плечи.

— Вот удивил так удивил, — проворчала она. — Думала, козликом от счастья скакать будешь, а тут... Вставай давай.

У меня не было сил сделать это самостоятельно, но Наташа помогла.

— Где сын? — прохрипел я и поразился тому, насколько жалко и слабо звучал мой голос.

— С тобой все нормально? Ты белый весь и губы синие.

— Нормально, — ответил и наткнулся взглядом на конверт для выписки, который покупал для своего ребенка.

Шагнул к нему, и меня шатнуло.

— О нет, — Наташа крепче подхватила меня под руку, принимая на себя мой вес. — Это точно не обморок от счастья. Садись-ка посиди...

Она помогла мне сесть рядом со столом, на котором неподвижно лежал темно-синий с голубыми ромбиками конверт. Там мой ребенок. Мой первый сын. А я не могу взять его на руки, потому что они словно отнимались, стали ватными и не очень послушными.

Я точно не порядке.

Как же не вовремя!

Наташа кому-то звонила, что-то говорила — ее голос снова бился внутри моего черепа, как в ложка в железной кружке.

Потом что-то загремело, и мир кувыркнулся.

Меня, кажется, резко стошнило, и снова тихий темный провал.

В себя я пришел в больничной палате. Раздетый по пояс, лежал на высокой современной кровати. Девушка в медицинской пижаме возила чем-то у меня по груди. Дернулся было, но услышал женский приятный голос:

— Лежите спокойно, еще минутку.

— Что случилось? — спросил, чувствуя себя вроде бы немного лучше.

— Транзиторная ишемическая атака, — объяснила девушка в медицинской хламиде.

— Что? Я таких слов не знаю.

— Микроинсульт в простонародье, — улыбнулась врач.
— Придется полечиться.

— Сколько?

Вот не было печали...

— Три недели точно.

— Что?! Нет! — Я снова дернулся, чтобы встать и уйти.
— У меня сына из роддома только выписали!

— Поздравляю, — улыбнулась девушка. — А теперь спокойно еще минутку молча полежите, а то мы с вами никогда эхокардиографию не закончим.

Я откинулся на подушку и шумно выдохнул. Твою мать...
Дождался, пока закончит, и спросил:

— Жить буду?

— Долго и счастливо, — подтвердила девушка.

— Тогда я пошел. Где мои вещи?

— Вы можете и пойти, но какой смысл, если завтра вас привезут обратно с уже более серьезной формой инсульта?

Я сел на постели. И да, мне, черт возьми, все еще было хреново. К тому же что-то мешало смотреть, будто козырек на глаз сполз. Я потер глаз — не помогло. Девушка смотрела на мои телодвижения, явно подмечая, что движения мои были не слишком уверенные. Потом она достала зеркальце из кармана и протянула мне:

— Посмотрите.

Я открыл кругляшок и... охренел. Половина моего лица словно потекла. Конечно, свой знаменитый «Крик» Ваг Гог с меня бы не написал, но все же уголок губы опустился, веко нависло — оно и мешало смотреть, — и будто даже щека как-то обвисла.

— Что это? — спросил с трудом — горло будто веревкой перехватило.

— Если не начать лечение сразу, через шесть часов терапия будет уже бесполезной. Но вы все еще можете уйти и провести с вашим сыном... — она прищурилась и продолжила: — ну, дня три, не больше.

— А потом я сдохну?

— Как получится, — поджала она плечами. — Раз вы такой упертый, то, скорее всего, решите перенести более силь-

ный удар на ногах. Значит, возможны необратимые последствия. Вы же понимаете, что речь идет о головном мозге?

— То есть стану дураком? — хрюкнул — почему-то хмыкнуть не получилось.

Девушка так на меня посмотрела, что я уже сейчас почувствовал себя дураком. А она пожала плечами и ответила:

— Тюльпанчиком вы станете, молодой человек. Таким вялым и никому не нужным немощным тюльпанчиком.

— Вы явно сгущаете краски.

Я все еще не мог поверить, что это происходит со мной. А как можно поверить, что ведущий здоровый образ жизни мужик станет растением? Из-за какого-то сраного микроинсульта. Нет, я не согласен! Что за бред?!

— Так что, домой пойдете или полечимся?.. — вместо ответа на мое возражение ласково спросила она.

А я... завис. Мне реально все еще было хреново, хотя уже слегка отпустило — возможно, что-то уже вкололи, пока я валялся... тюльпанчиком. Сына на руки я бы сейчас не взял — уронить еще не хватало. Но мне надо было выходить на работу — раз. Уезжать под Краснодар — два. Прописывать где-то сына — три. И я не мог оставить жену одну с сыном — четыре.

И последнее перевешивало все прочее. Я каким-то шестым чувством не доверял Наташе. Она не мать, одна не справится. Я вообще не представлял, как она с ребенком будет, даже образ такой в голове не возникал. Будь это Катя, я

бы не дергался даже.

Черт... Зачем я вообще всю эту кашу заварил?!

— ...Пока вы думаете, я доплерографию сделаю и отвезу вас на МРТ. Как раз анализ крови будет готов. Самое интенсивное и эффективное лечение в первые двадцать четыре часа. Поэтому давайте поспешим.

Наверное, эти слова девушки, немного насмешливой, но, безусловно, доброй, расставили все по местам. Я решил, что задержусь в больнице. Пройти обследование не мешало, и терапия тоже мне точно нужна. Моя жизнь стала важна для меня самого. Я стал папой. Я обязан быть сильным, здоровым, чтобы воспитать сына. Мне придется смириться и пролежать сутки в больнице. Потом я решу, что делать дальше.

— Мне надо позвонить... Где мой телефон?

Катя

Очень странно оказаться в здании городской администрации. Все внутри оформлено строго, торжественно, лаконично. Я бы даже сказала — государственно. Тут сама атмосфера настраивала на дела, касающиеся высших ценностей, самого существования государства. По сравнению с ними дела отдельной деревни и колхоза или магазина как-то меркли, но в то же время приходило понимание, как все эти местечковые проблемы и успехи и формируют это общее пространство, именуемое государством.

— Как тебе? — поинтересовался Женя, когда мы подни-

мались от пропускного пункта, где мне выдали временное разрешение здесь находиться, по широкой лестнице, застеленной красной ковровой дорожкой.

— Великолепно, величественно, — улыбнулась я, оглядываясь на огромную хрустальную люстру в холле. — Возвышенно, вдохновляюще... — продолжила.

— Первое задание хочешь? — засмеялся Женя.

— Уже? Давай, — улыбнулась я в ответ.

— Напиши мне все свои ощущения в алфавитном порядке. Букву В можешь пропустить.

Теперь рассмеялась я.

Вот как у него это получается? С Женей рядом я забывала о своем горе. Оно фонило, но лишь на физическом уровне. А в книге психолога я прочитала, что физиологические реакции следуют за мыслями. Улыбайся — и настроение неизбежно поднимется. Я как раз перешла с книги о стоицизме к теме эмоционального интеллекта. Кто бы сказал мне раньше, что нон-фикшн о саморазвитии окажется гораздо более увлекательным чтением, чем художественная литература! Ох, как же много я пропустила...

За обменом репликами, мы поднялись на второй этаж. Именно на нем располагались приемные депутатов. Оказалось, это не просто кабинет и комнатка для секретаря, а целые... эммм... кварталы, в которых приемная с ресепшн — центр депутатской вотчины. Из нее двери вели в кабинет Жени — самое большое помещение со столом для конферен-

ций; из него открывались двери в комнату отдыха с барной стойкой и мягкой мебелью — это помещение больше походило на небольшую гостинку, тут можно было жить, а самое главное, что в ней за дверью был санузел с душевой кабиной. Еще две двери из приемной вели в небольшие кабинеты помощников депутата.

— Ну а теперь что скажешь? — спросил Женя после небольшой экскурсии.

— Нет слов, — покачала я головой. — Это у всех депутатов такое?

— Я не знаю. Наверное. Не интересовался. — Женя ответил как-то уклончиво, даже отвернулся, избегая смотреть в глаза, и пошел за свой стол. А когда сел за него, рукой предложил и мне: — Давай не стой, Катюш, садись. Введу тебя в курс, подготовимся документы для твоего перевода через увольнение и поможешь мне подготовиться к интервью. Да, ещё надо тебя к местному сисадмину отвести, чтобы дал доступ к программам. И в службу безопасности тоже заглянем, но это уже когда пропуск готов будет.

— Как всё строго и запутанно...

— Контроль жёсткий. Доступ по биометрии.

— Оу, — улыбнулась я, — каждый раз из клавиатуры будет высываться игла и забирать у меня каплю крови?

— Нет, отпечаток пальца или сетчатка глаза, — объяснил серьёзно Женя, и меня настраивая на деловой лад. — Вот, держи список вопросов интервью.

— Их заранее присылают? — удивилась я.

— Да, если интервью плановое. Но могут быть неожиданные вопросы от желтой прессы.

— Ну они же обычно по личному проходятся, — задумалась я.

— У всех есть скелеты в шкафу, — бросил на меня быстрый взгляд Женя.

— Мне кажется, у тебя их нет, — откровенно сказал я.

— Ну а как я стал депутатом? — улыбнулся Женя.

— Голосование, нет? — предположила я.

— Да, но заключительный этап. Если будешь работать со мной, политтехнологией придется интересоваться. Тогда все и поймешь.

А я что-то вдруг будто выдохлась. Будто запала хватило ровно вот досюда, а дальше стало как-то все равно. Я вздохнула и приложила усилия, чтобы собраться с мыслями и слушать моего нового работодателя внимательно...

...День закончился для нас почти в десять вечера. Женя предлагал поехать домой, ведь сначала планировалось, что я проведу с ним часа три, пока пройду инструктаж и все такое. И так бы и было, если бы депутат на самом деле мог, как говорил, *хоть совсем не работать, лишь бы результат был*. Я убедилась, что работы у него как раз на троих хватит, и он сам пару раз заикнулся, что ему не хватает двадцати четырех часов в сутки на все дела, чтобы сделать их вовремя. Его то

дергали к главе администрации, то звонили с жалобами люди — один звонок был из Выселков. Пачка распечатанных писем требовала регистрации и ответов, несколько резолюций на рассмотрение к ближайшей сессии обсуждения тоже нужно было подробно изучить. И ладно бы только их — еще и море сопутствующих документов и просто справочной информации.

У нас просто не получилось сесть и сделать все дела спокойно. Зато я сразу окунулась в работу с головой и прошла боевое крещение. Ноги дрожали от слабости, руки от неуверенности, казалось, что делаю что-то неправильно. Но к моменту, когда мы собирались уходить домой, я уже освоила внутреннюю программу, познакомилась со всеми на этаже, обзавелась парой новых полезных знакомств среди помощников других депутатов, получила ворох комплиментов и три приглашения выпить кофе в нерабочей обстановке от влиятельных мужчин, список нужных телефонов, документ для прохождения контроля и одобрение службы безопасности.

— Напрашиваться на чай не стану, — сказал Женя, проводив меня до двери квартиры. — Отдыхай, но если что — звони.

И это относилось не к работе, а к моему эмоциональному состоянию.

— Я так устала и получила такое количество информации, что, думаю, она мне будет сниться.

— Это хорошо. Ты молодец, Кать. Очень мне сегодня помогла.

— А ты обманщик, Женя, — покачала я головой. Он вздернул бровь. Но я вошла в квартиру. Напоследок сказала еще только: — Спокойной ночи.

И закрыла дверь.

Глава 4. Прекрасные кошмары

Мы тянемся к тем, кто делает нам больно.

Не идиоты ли мы?

(Ф.М.Достоевский)

Все оказалось не так страшно. И послужило мне уроком, что люди заняты своими проблемами, а на чужие им плевать.

Никто даже не спросил меня ни о чем. Был живот, нет живота — какая разница? Родила, не родила — плевать. Единственный человек, кому это было интересно — бухгалтер. И то потому что встал вопрос о выплате мне причитавшихся пособий. Но стоило сказать, что я увольняюсь, как и тетя Сёма потеряла ко мне интерес. Баба с возу — кобыле легче.

Мой прежний работодатель подписал документ о переводе и единственный, кто все же взглянул на мой опустевший живот. Но ограничился короткой улыбкой и репликой «Поздравляю» между тем, как поставить подпись на заявление и позвонить тете Сёме, чтобы выплатила мне остатки.

Остатков наскреблось неожиданно прилично: мне, к удивлению, выдали премию, оплатили посты для паблика и сайта страусовой фермы, набежали неплохие проценты с продаж скорлупы и кожи страусов от сувенирных мастерских. Мне даже одно расписанное яйцо на подставке и три пера, красиво выкрашенных, с ручками на конце прислали в подарок.

— Неплохой итог прошлой и начало новой рабочей жиз-

ни, — одобрительно улыбался Женя, когда я села в его машину с неожиданными презентами.

Мне и раньше что-то перепадало, например, сумки, перчатки, ремни, кошельки присылали стабильно, но вот скорлупки и перышки — впервые. Мне на минуточку даже жаль стало увольняться с привычного интересного места. Но зарплата, которую мне обещал Женя, позволяла все это покупать без особых раздумий о том, а хватит ли потом месяц дожить?

— Знаешь, я сама в шоке, — похлопала глазами не кокетства ради, а потому что правда еще не совсем пришла в себя от удивления.

— Сначала к тебе в дом, потом махнем посмотрим на мой кусок земли, потом на встречу с журналистами и Акромовым.

— Это он владелец нового торгового центра?! — воскликнула я.

— Ну да, — улыбнулся Женя и кивнул на навигатор: — Адрес скажи.

— Да тут недалеко: выезжай на трассу, я покажу, где свернуть, — отмахнулась перьями. — Мне даже не верится, что я таких людей вот как тебя увижу... — вернулась к прежней теме.

Депутат на это только усмехнулся:

— Для меня это тоже первый шаг в будущее. И я надеюсь, он будет таким же удачным, как твой. А там и не такие люди

будут.

Ох, мужчины... Планов у них — громадье. Хотя что уж... у меня теперь тоже.

До моего дома доехали за десять минут. Депутат оставил свою иномарку за воротами и вошел во двор вслед за мной.

— Уютно, — заметил, оглядевшись по сторонам. — И странно, — добавил.

— Почему странно? — обернулась я к гостю с крыльца, отпирая замок.

— Вот этот пяточок, я так понимаю, весь твой огород? — махнул рукой на пяточок земли и пару небольших парников.

Я кивнула и пожала плечами — мне хватало.

— Еще две сотки под картошку за домом, небольшой сад, а остальное — просто зелень для красоты.

— Хотел бы я посмотреть летом, как тут все выглядит. Мне кажется, многоярусно.

— Да. Я в немецком журнале подсмотрела и распланировала. Мне нравится, как на Западе планируют пространство и сочетают растения, что они цветут до самой осени.

— Знаешь, надо тебя познакомить с моей сестрой. Ей бы не помешала такая подруга, как ты, Катюш.

Я вошла в дом.

Столько мыслей передумала, пока ехала, о том, что тут почувствую. Думала, нахлынет, ведь столько встреч с Артемом здесь было, столько его руками здесь сделано... Но почти ничего такого не произошло.

Конечно, я в каждой вещи видела след присутствия Артема, даже его футболка и спортивные штаны остались лежать в кресле, в которые он переодевался, чтобы помочь мне с чем-то по хозяйству. Но только Женя не дал мне разнюнить-ся. Ему хватило минуты обойти весь дом, сказать «Хороший дом, продавать рано», вывести меня за дверь и сообщить:

— Нет ничего такого, что тебе было бы нужно в городской квартире. Поехали на участок.

Я только рот раскрыла, закрыла, дверь и калитку замкнула и в машину снова села.

Что это было вообще?

Но и на участке депутата мы провели времени не больше. Даже меньше. Точнее — вообще не провели. Даже из машины не вышли. Женя ее даже не остановил — медленно проехал по дороге мимо поля с куском леса на берегу реки, показал ориентиры границ его будущих владений и спросил:

— Нормально?

— Круто, — ответила я, оценив живописный удобный уголок для строительства дома.

— Значит, беру, — удовлетворённо кивнул депутат, тут же дал газу и вылетел на трассу.

Через сорок минут мы уже приехали на место встречи с журналистами.

Большой синий тентовый павильон был виден издалека. Когда мы с Женей вошли в него, там было жарко от прожекторов, шумно от голосов, многолюдно.

Мой первый выездной рабочий день начался с порога...

...А через день в офисе Женя вышел из кабинета и сказал:

— Катюш, я должен тебя кое о чем спросить... — навалился на мой стол ладонями.

— Хорошо, — пожала я плечами. — Я слушаю.

— Есть что-то, что держит тебя в Перевальске?

Я распахнула глаза от удивления.

— Станный вопрос... — насторожилась, но, прислушиваясь к себе, поняла, что не жду ничего плохого от своего работодателя и просто этого человека. — Наверное, нет, — осторожно ответила. — А что?

— Ты не откажешься от работы со мной в Прибрежном?

Я даже встала, раскрыв рот.

— То есть, — сглотнула, споткнувшись на слове, — ты будешь работать в краевом центре?

Женя кивнул, серьезно смотря на меня.

— Это только начало пути на политический Олимп. Я был бы рад, если бы ты шла по нему со мной.

Я колебалась недолго. Пару секунд. Потому что каждый день меньше всего на свете хотела возвращаться в квартиру, где меня ждали пустота, одиночество, боль и тоска. Я приучила себя просыпаться, едва мне начинали сниться сны. Потому что в них я видела Артема и нашего сына. Живым счастливым малышом. Он смеялся на папиных руках, смотря на меня ясными глазками с длинными ресничками, он тя-

нул ко мне руки.

Это было так прекрасно. Но это были кошмары.

Мои личные прекрасные кошмары.

Артем

Спустя несколько дней

Бойтесь ваших желаний, они сбываются.

Это сказал умный человек. Я на своей шкуре убедился. Мне нужна была типа буферная зона, хотел «чтобы песня не кончалась» — я и получил. Провидение меня к сыну даже не подпустило. Я вроде как на нейтральной полосе жизни и могу делать вид, что еще не наломал дров. Целых три недели себе выстрадал, маг-недоучка.

Были бы у меня еще эти три недели.

— Ты нахватал всего столько, словно ни в какой Краснодар ехать не собирался — банок с детскими питанием двадцать штук. Кстати, мальчик не все ест, — во время сеанса связи говорила жена.

Теперь мы поменялись местами — я был в больничной палате, а они с сыном дома. От этого становилось легче, но беспокойство из-за неопытности Наташи все так же скручивало внутренности в колющие жгуты. Не мог объяснить себе собственную дурь, но меня, хоть громом рази, не оставляло ощущение, что я бы справился лучше. Кажется, вообще бы от сына не отошел. Рвался всей душой из больницы, но понимал, что хотя бы до начала реабилитации нужно здесь по-

быть. А реабилитацию можно проходить дома, тем более я не парализован, адекватен, провалов в памяти не заметил. Вообще рассчитывал все же вырваться из плена врачей раньше, чем требовал диагноз.

— Покажи мне сына, — попросил Наташу.

Она подошла с телефоном к кровати, на которой спал крепко спелёнатый ребенок.

— Ты ни разу не назвал его по имени, — усмехнулась жена. — Неужели твоя подстилка не придумала, как назовет своего ребенка?

— Наташа... — вскинулся я.

— Ой все! — тут же повысила голос она. — Смотри на своего безымянного отпрыска молча.

Я только зубами скрипнул. Потом посмотрел на сына, в этих пеленках напоминавшего полено с головой. Он спал и не подозревал о том, что рядом с ним женщина, которая ему не мать.

Которая его не любит.

Я больше не мог лежать здесь. Злая решимость сдернула с больничной койки. Я направился напрямик в ординаторскую. Мой врач сидел там и заполнял карточки после обхода.

— Что-то случилось, Артем Владимирович? — нахмурился, зеркаля мое выражение лица.

— Я иду домой.

...Спустя час я стоял на пороге арендованной квартиры.

Меня трясло от слабости, злости и волнения. Злости — на жену. Волнения — перед первой живой встречей с сыном.

Я открыл дверь своим ключом, бесшумно, как смог, разулся и снял куртку, прошел в комнату.

Наташа лежала на кровати на животе, задрав пятки, и лениво листала модный журнал. Рядом стояла коробка с пиццей и стакан, в котором явно был не сок, судя по винной бутылке на полу. Она была пуста наполовину и кое-как закрыта пробкой.

Мальчик лежал рядом. Он был все так же замотан в пеленки, ноне спал. Кряхтел, крутил головой.

А я смотрел на все это с тихим ужасом.

— Ты совсем охренела? — процедил в ярости.

Наташа вскрикнула, подскочила, опрокинула стоявший на коробке с пиццей стакан и резко села на кровати.

— Придурок! — крикнула и приложила руку к сердцу. — Че так пугать-то?

Но мне было плевать на нее. Потому что я видел, как вздрогнул мой ребенок и зашелся в крике.

Срать я хотел на Наташу. Метнулся к сыну и... замер на пару секунд, испугавшись, что не смогу его взять правильно. Что сломаю, уроню, сделаю больно. Панический ужас. Но длился он недолго, потому что крик младенца пересилил мой внутренний вопль.

Меня трясло, когда я поднял малыша, подсунув под него обе ладони. Поддержал крошечную головку и очень осто-

рожно прижал сына к себе.

У меня внутри что-то перевернулось. Половина меня сгорела и осыпалась пеплом, оставив ноющую пустоту. Другая часть будто наполнилась чувствами, которых я никогда раньше не испытывал.

Я держал сына и сглатывал комки, одни за другим возникавшие в горле. Не мог дышать, говорить и... видеть. Слезы текли из глаз.

— Мой сынок... — с трудом прошептал я и поднял его выше, чтобы видеть крошечное личико.

Он слишком маленький. Это не первый младенец, которого я вижу, но мой слишком маленький в сравнении с теми, что мне встречались. Живой человечек, за которого я все решил.

— Боже, как трогательно, — фыркнула Наташа.

Я уже и забыл о ее существовании. Посмотрел на нее. Она сидела на краю кровати, нога на ногу, покачивая босой ступней, и держала стакан, почти до краев наполненный вином.

— Пошла вон, — глухо потребовал я.

— Пфф, — скривила губы жена.

Встала и, виляя большой жопой, как утка, пошла к выходу из спальни. Я сам не понял, что инстинктивно прижал сына к груди ушком и закрыл ладонью второе, потому что хорошо знал, что будет дальше. И Наташа не обманула — хлопнула дверью так, что стекла задрожали. А я в последний момент еще крепче прижал к себе сына, защищая его от громкого

звука.

Он не глухой и не был глухим. Когда Наташа так сказала, я тут же позвонил врачу. Он и объяснил, что первое время новорожденные реагируют только на резкие и громкие звуки. На работающий фоном телевизор, например, им плевать.

Тогда у меня от души отлегло. А сейчас я готов был убить жену за ее выходки.

И поймал себя на мысли, что это желание и раздражение на нее стало едва ли не постоянным.

Катя

г. Прибрежный

— Это мне?! — охнула я, когда Женя привел меня в ведомственную квартиру.

По обстановке она напоминала гостиничные трехкомнатные апартаменты, оснащенные навороченной бытовой техникой и электроникой.

— Да, но мы задержимся тут лишь на несколько лет. Тут есть все, чтобы жить комфортно. Продукты с доставкой из резерва. Просто звонишь, говоришь, что нужно, и тебе привозят. Цены смешные, оплата из краевого бюджета. Все твои деньги останутся при тебе.

Я и подумать не могла, что жизнь может повернуться вот так. Неужели это все компенсация за потерю сына? Только мне все это не нужно, я бы от всего отказалась, если бы была возможность вернуть моего ребенка к жизни.

Но теперь мне оставалось только это. Комфорт и перспективы. И солидный — по моим скромным меркам — счет в банке, куда упали деньги за мгновенно проданную квартиру вместе со всем ее содержимым.

Новые владельцы моего вместилища боли и тоски оказались семейной парой лет за пятьдесят. Когда при показе квартиры зашла речь о моих продовольственных запасах, которые я оставляла им, что это все с моего же хозяйства, я спонтанно предложила паре и мой дом в качестве дачи. Они обещали подумать, и в итоге на следующий день мы составили нотариальное соглашение о том, что они могут пользоваться моим домом и участком, пока я не решу, что делать дальше.

Женя сказал, что цена на дом будет хорошей года через два-три, когда задуманное москвичами строительство завершится. Что ж, я не спешила избавиться от домика в Выселках.

А вот о небольшом бизнесе подумывала. И пока я работаю с депутатом и нахожусь на гособеспечении, мой счет значительно возрастет.

— Знаешь, Жень, до начала работы с тобой я считала депутатов ленивцами, которые присосались к государственной кормушке и шикуют за счет налогоплательщиков. А теперь я понимаю, почему о тех, кто у власти, за все платит государство и обеспечиваем всем необходимым.

И это была чистая правда. Я не успевала сделать все нуж-

ное за день, приходилось задерживаться до десяти вечера самое малое, пару раз я возвращалась домой после полуночи. Сил хватало только помыться и упасть в постель. Утром я даже бутерброд в себя запихнуть не успевала. Говорить о том, чтобы погулять по магазинам или что-то приготовить, вообще не приходилось.

Мой депутат был загружен еще больше.

И все равно работы было выше крыши. Женя ненавидел совещания на разных уровнях, потому что они отрывали от дел. Но на этих частых сборах ставились новые задачи, озвучивались новые проблемы, те, которые спускались сверху, или те, которые силами одного депутата решить невозможно.

К сожалению, они не наделены безграничной властью, и, чтобы провернуть маховик той же самой госмашины, уходило много времени, сил и нервов. Приходилось держать все на контроле, торопить, порой даже искать неочевидные решения. Потому что везде были свои правила, свои интересы и человеческий фактор. Существовали регламенты для взаимодействия между структурами, но отсутствовала синхронизация. Решение вопроса в разных ведомствах могли отложить на неопределенное время и...

В общем, я еще слишком мало варилась в этом бульоне, еще сырая плавала на его поверхности, но уже немного прочувствовала ответственность народного избранника перед избирателями и много что еще.

— Это как уровни в игре: чем выше скилы, тем больше

ответственности и возможностей. Но и многое и нельзя.

— Я не знала, что ты игроман, — усмехнулась и прошла к барной стойке, разделявшей гостиную от кухонной зоны.

— Игрок. В политике не игроманы, а игроки.

— Нет, все же игроманы, — возразила я, проверяя шкафчики. — О, капучино... — поморщилась, взяв в руку капсулы для кофемашины. — Ненавижу капучино.

— Я их заберу, — отмахнулся от темы кофе Женя и вернулся к прежней: — В каком-то смысле ты права. Политика заворачивает и затягивает. И чем больше в нее погружаешься, чем больше знаешь, тем труднее вернуться назад, к прежней жизни.

— Новый вид наркотика.

— Всегда был и будет, — кивнул Женя. — Только отбор тут не естественный. И тебе придется поучаствовать в нем. В команде моего предвыборного штаба.

Я кивнула. Догадывалась об этом уже сама. И да, это было интересно.

— Тогда сегодня осваивайся тут, завтра с утра на работу. Кстати, в комплексе отличная консьерж-служба, свой ресторан, спортклуб с бассейном... Думаю, вечером нам надо будет посмотреть все получше. — Он развернулся, чтобы выйти из моих апартаментов, но повернулся ко мне вновь: — Забыл сказать. Моя квартира следующая.

— Замечательно, — улыбнулась я, подумав, что мне без разницы. Интенсивность работы для соседских отношений

времени не оставляла. Так что хоть в соседней комнате. — Потом я прогуляюсь по городу. Была тут последний раз незадолго до смерти папы. Он здесь родился.

Женя кивнул, на полминуты задумался и, нерешительно почесав нос, неожиданно предложил:

— Катюш, как ты смотришь на то, чтобы провести вечер вместе?

Я пожала плечами:

— Почему нет? Когда еще доведется...

— Тогда до встречи.

Женя ушел, а я осмотрелась в квартире, сходила в душ, пару часов потратила на поход в ближайший торговый центр за парой новых костюмов и вечерним платьем. Вернувшись, сделала латте и бутерброд с маслом и икрой, села на диван и открыла новую книгу: «Сам себе психотерапевт: как простить себя и снова влюбиться».

Артем

Наташа была права в одном — сына надо как-то назвать. Но беда в том, что мы с Катей не строили планов на будущее и не выбирали нашему ребенку имя, хотя знали после УЗИ, что родится мальчик.

Но ведь она наверняка думала об этом, перебирала имена, примеряла их к отчеству...

Или в графе «отец» в свидетельстве о рождении стоял бы прочерк?

Нет, бред.

Или нет?

Ведь числиться матерью-одиночкой гораздо удобнее, когда отец женат на другой. Зачем Кате, знавшей, что я не собирался разводиться, нужно записывать меня отцом, а потом каждый раз обращаться ко мне по всякому поводу, когда нужны документы этого самого приходящего отца?

Наташа бы точно меня на месте Кати в отцы не вписала. Она до мозга костей продуманная. Но и Катя не простушка. Однажды она встретит другого и устроит свою жизнь. И будь сын с ней, тот другой наверное усыновил бы моего ребенка. Конечно, Кате было бы удобнее не вписывать меня в свидетельство о рождении.

Какой-то чужой мужик отобрал бы у меня право быть отцом моему ребенку...

Никогда не бывать этому!

Правильно я все сделал! Мой сын останется моим!

Пора просто выдохнуть и продолжать жить.

Я держал сына на руках и не мог на него насмотреться. Мое маленькое счастье. У меня в груди становилось горячо от любви к нему.

Правда, когда впервые его размотал из пеленок, был в шоке. У моего сына яйца были по колено, худые ноги с непропорционально большими ступнями и вообще он больше походил на ошипанного цыпленка. Это был такой шок для меня, что я потерял дар речи и бросился гуглить:

«У новорождённого мальчика большие яички»

«Нормальный вес новорождённого ребенка»

«Почему у новорождённого большие ступни»

...и много других вопросов.

Гугл выплескивал мне сотни сайтов, на которых были подобные вопросы, а отвечали им другие люди. Я потом разобрался, что это какие-то сообщества мамашек, где они общались на всякие темы. Интерфейс форума был интуитивно понятным и очень дружественным, поэтому я зарегистрировался на нем под женским именем, потому что ни одного мужского там не нашел. Скачал фотку какой-то бабенки в интернете и использовал ее как аватарку. Установил приложение форума на айфон.

А еще собрался завести для сына страничку в соцсети, как хотела сделать Катюша, но не смог, пока у ребенка не было имени.

И вот я вернулся к тому же вопросу. Как назвать сына?

Сидел в кресле с ним на руках и примерял разные имена.

Максим Артемович. Нет, не то. Степан Артемович? Еще хуже. Денис, Олег, Николай, Константин...

«Список имен для мальчиков» — и снова сотни сайтов на выбор с расшифровкой значения имен и бла, бла, бла. Пролистал список сайтов, просмотрел столбики имен, не зацепился взглядом ни за один и закрыл сайт. А потом вбил в поисковике вопрос:

«За сколько дней нужно зарегистрировать новорожденно-

го ребенка?»

И ответ меня удивил:

«Зарегистрировать рождение ребенка нужно в течение месяца после того, как он появился на свет. Но если вы пропустите этот срок, никаких штрафных санкций не будет, органы ЗАГС регистрируют рождение детей и более старшего возраста. Бывали случаи, когда свидетельство о рождении получили дети, уже достигшие годовалого возраста и даже больше». Потом я выяснил, что можно зарегистрировать ребенка в любом ЗАГСе не по прописке, а еще что частные семейные клиники оказывают медуслуги без полисов. Это было то, что мне нужно.

Я выдохнул с облегчением. У меня еще было время выбрать имя и решить вопрос с пропиской сына.

Он проснулся и скуксился, разевая беззубый ротик.

— Кажется, кто-то проголодался и наделал в памперс...

— с улыбкой проворковал я, принимаясь.

Мой малыш в ответ на это недовольно захныкал.

Я уложил его на постель и развернул пеленку.

— Фу-фу-фу, как плохо пахнет... — приговаривал, расстегивая памперс. — И рубашку уделал, сынок.

Слышал, как вошла в спальню жена. Краем зрения видел, что скрестила на груди руки, привалилась плечом к косяку и наблюдала за мной. Я не обращал на нее внимания.

Это ей, разумеется, не понравилось. Никогда не нравилось.

— Вот смотрю я на тебя, Вязев, и думаю: ты так себе это представлял?

— Что именно? — спросил я, так на жену и не взглянув, аккуратно обтирая сына влажными салфетками.

Вытер и низ запачканной рубашечки. Надо было бы ее переодеть, но я боялся это делать, боялся, что сломаю сыну тонкие хрупкие ручонки. Я вообще его боялся, внутри все дрожало сейчас, когда решил сам впервые все сделать. До того, как он уснул, потребовал от Наташи показать мне, как и что нужно делать. И сейчас был мой дебют.

— Ты думал, что будет вот это вот все? Говно, смеси, прививки, прогулки, ор... Или ты представлял себе, как весь такой счастливый поцелуешь жену и сына и умотаешь до вечера на работу, вернешься, пожрешь, потреплешь по головке сытого, умытого и идеального ребенка, трахнешь жену, как ты любишь, и выспишься? Так ведь, Артем?

Если честно, да. До сих пор так и представлял себе это.

— А что не так? — все-таки повернулся к Наташе.

— Подожди еще, узнаешь. Сегодня ты только вернулся домой, и я диву даюсь, как спокойно ведет себя твой безымянный отпрыск.

— Он и твой тоже.

— Да что ты? — вздёрнула бровь Наташа. — Не чувствую, что я его рожала — нет ни молока в груди, ни растяжек на животе, ни шва от кесарева...

— А это главное, что ты должна чувствовать? — спросил

я, не понимая жену, потому что мысли были заняты тем, что надо приготовить смесь.

Я постелил чистую пеленку на кровать и осторожно уложил сына на животик. Покоя не давало это желтое пятно на рубашке. Можно было бы попросить Наташу переодеть малыша, поднимавшего головку и тарасившегося на что-то, но все во мне противилось этому. Я, кажется, ревновал сына к жене. Или это было другое чувство? Не понять. Коршуном кружил над сыном и готов был заклевать собственную жену, если подойдет к нему.

— Иди сделай молоко, — сказал ей, так не дождавшись ответа.

Но он все же последовал:

— Я чувствую, что теперь у нас нет семьи.

Наташа сказала это как-то... безразлично. И вышла из комнаты, так, по сути, в нее и не войдя.

Я улегся рядом с моим ребенком, прикоснулся носом к его головке со светлыми волосиками и вдохнул невероятный запах. Мог дышать им сутки напролет, хотелось зацеловать малышка с ног до головы. Гладил его по головенке, спинке, попке, ножкам и наслаждался гордостью от того, что у меня есть сын. Любил его безмерно, до щемоты в груди, до слез. Перевернулся на спину и уложил мальчика на себя.

Он ронял головку, поднимал снова и рассматривал меня... Катиными глазами.

У меня внутри скрутилось от тоски. Я безумно скучал по

Кате. Стиснул зубы так, что в глазах потемнело.

— Ничего, сынок, мы с тобой справимся. Я буду хорошим папкой, вот увидишь...

Малыш устал бороться с гравитацией, снова пару раз недовольно что-то промяукал на своем малышовском. Я прижал его к себе, сел. Уложил его на спину на пеленку и понял, что прошло уже минут десять, а молоко Наташа так и не принесла.

Вот курва.

Оставил мальчика лежать и пошел за женой.

Нашел ее в другой комнате. Она сидела на диване, поджав под себя ноги, и что-то строчила в телефоне.

— И как это понимать? — строго спросил ее.

— Что именно? — она тоже не подняла головы и не посмотрела на меня.

Мстила за невнимание. Королева.

— Я попросил тебя сделать молоко сыну.

Вот тут она от своего занимательного занятия оторвалась и на меня посмотрела:

— Сын твой — вот иди и делай. Я с ним в роддоме наплясалась, потом еще пока ты в больничке валялся, теперь ты вкуси радость отцовства. А я спать буду.

Я ответил на это тяжелым взглядом и молча ушел в кухню.

«Какой температуры должно быть молоко для новорожденного?»

«Как проверить температуру молока без градусника?»

«Сколько нужно молока месячному ребенку?»

— Сто грамм? Серьезно? — не поверил я своим глазам, глядя на табличку на каком-то сайте о новорожденных.

Покрутил в руке бутылочку. Взял банку со смесью, прочитал инструкцию. Согрел воду в чайнике до нужной температуры, мысленно похвалив себя за то, что купил навороченный — можно задавать градус подогрева воды. Правда, сделал полную бутылочку.

Боялся, что сын обожжется, пока остужал молоко под холодной водой, чуть ли не каждые две секунды делая микро-скопический глоток, чтобы проверить, можно ли уже кормить малыша.

За шумом воды услышал крик сына и занервничал. В итоге, когда показалось, что молоко готово, вприпрыжку бросился в комнату, где ребенок уже заходился в плаче и дергал ножками и ручками.

Стоило коснуться соской его губ, как он жадно присосался и начал глотать.

Я выдохнул и вытер плечом пот со лба.

Не подозревая о том, что для меня все еще только начиналось.

Глава 5. Одна ночь из жизни

В общем-то несложные действия меня в итоге успокоили. С температурой молока я разобрался, даже рубашечку сыну сменил, хотя семь потов сошло — так боялся повредить махонькие ручонки. Но все тот же мамкинский форум, на котором я зарегистрировался под именем Катерина (!) содержал сотни вопросов и тысячи ответов. Там я прочитал, что новорождённый не такой хрупкий, как кажется. Поверить в это было очень трудно, глядя на два килограмма в сорока сантиметрах моей воплощенной мечты. Кто бы мог подумать, что она измеряется в цифрах, к тому же таких маленьких.

В закладках на моем айфоне появилось с десятков сайтов, которые маманьки рекомендовали друг другу, и когда сын уснул, я засунул в стирку его вещички, бегом принял душ и завалился на кровать почитать и подумать.

Свои мысли и планы я привык записывать в блокнот в кожаном переплете. Лежа в больнице, я записал несколько вариантов, как решить вопрос с пропиской сына. Пришло время действий.

Подбив подушки под спиной, я придвинул поближе к кровати коляску с сыном и уткнулся в свои записи и в айфон. Наташа пришла в короткой черной шелковой сорочке. Ее соски нахально торчали. Я отметил это и вернулся к просмотру вариантов планировки дома. Увлёкся, представляя не чер-

но-белый проект с видом сверху, а как будет выглядеть каждая комната в красках. Посмотрел предлагаемые застройщиком опции и тихо присвистнул от конечной цены. В принципе, денег могло бы хватить.

Повернулся к жене:

— Кстати, объясни мне, что за переводы на твою карту с общего счета?

Наташа, только что возившаяся на постели, замерла. Я видел, как она сжалась и напряглась.

— Не понимаю, о чем ты говоришь, — промямлила через минуту неуверенно, поняв, что с темы я не съеду.

Я засмеялся. Получилось издевательски. Даже самому стало неприятно.

— Когда ты стала душой? — все же продолжил линию зла. — Телефончик свой сюда дала, быстро!

Она как раз держала его в руках. Я протянул ладонь, ожидая, что даст мне свой девайс, но Наташа сжала его крепко пальцами с новым маникюром. Пришлось отобрать.

В банковское приложение я вошел без проблем. Моя жена не запоминает пин-коды карт и приложений, пароли от страниц в соцсетях и электронной почты — они все записаны у нее в телефонном справочнике. Не знаю зачем, но я скопировал контакты в файл и отправил его себе в ватсапе, а сообщение тут же у Наташи удалил. Надо бы еще проверить, с кем она зависала весь день, кому строчила, кто для нее важнее младенца и мужа, но это не первоочередно.

Счет карты, на которую она переводила деньги, удивил. Денег на нем болталось около четырех тысяч. Я полупал глазами на цифру, поморгал — ничего не изменилось. Залез в историю и осел — она переводила крупные суммы какому-то «Ильдар Алиханович Б.».

— Кто такой? — потребовал у жены ответа, повернув к ней экран.

Она сидела испуганная, кусала губы, белая, как известка. Еще недавно я бы ее зацеловал, перестал допрашивать и заллизал бы обиду фигурально и реально. Но сейчас меня взяло зло. Суммы переводов поражали. И они были регулярными. Тех денег, что Наташа воровала с общего счета, как какая-то крыса, ей бы не хватало. Судя по всему, вот сейчас я и узнал, куда она тратила свою зарплату. Выписку по счету я тоже заказал и вбил адрес своей электронной почты. Я прекрасно знал, что ничего Наташа не скажет, а устроит истерику. А мне она даром не надо.

Я швырнул ей телефон и во второй раз за последние пару месяцев почувствовал острое желание закурить. Встал с постели и вышел на балкон немного остудить тело и голову.

Меня трясло от бешенства. И от непонимания, когда и что у нас пошло не так. Но что бы ни сломалось, нам жить с этим. Никто не обещал, что семья — это просто.

Когда я вернулся, Наташа делала вид, что спит. Но я и не собирался продолжать разборки сейчас. А в блокноте появились новые записи: узнать, кто такой этот «Ильдар Али-

ханович Б.», и последить, что будет делать жена, когда придет дата следующего перевода.

Почему я решил, что новорожденные по ночам спят, как взрослые люди?

Я вытянулся на животе, обнял подушку и уснул, но ненадолго. Сын закричал, иногда вскрикивая, а я слышал его, но проснуться не мог. Пока он не заорал во все горло.

Откуда в этом тельце столько громкости? Будильник, который будил меня в школу еще при Советском Союзе, нервно курит в сторонке.

Я вскочил и осторожно взял сына. Он тут же закрутил головой в поисках соски. Черт. Я толкнул жену, которая проснулась, но даже не подумала подойти к ребенку:

— Сделай молоко. Побыстрее.

Наташа наградила меня таким взглядом, будто освежала:

— Сам, Артемчик, все сам. Прочувствуй то, что испытала я, когда ты решил, что в роддоме твой безымянный отпрыск должен находиться в моем боксе.

Она взяла подушку и одеяло и вышла из комнаты. Я только услышал, как она закрыла за собой дверь гостиной.

Сука.

Воду я поставил греться не в чайнике, а в кастрюле, и чуть ли не посекундно пальцем пробовал температуру, подпрыгивая от ора младенца. Когда неся к нему скачками с гото-

вым молоком, у меня уже дергался глаз.

Но и ел сын, прерываясь на крик, крючился и дергался, краснел от напруги, а я не понимал, что происходит. Мне казалось, у него что-то болит, а я не знал, чем помочь. Чуть не поседел от беспокойства.

И в итоге позвонил в скорую.

Катя

— А была еще одна дама почтенного возраста, очень оригинальная. Она приходила по понедельникам и пятницам, как на работу. Вежливая, воспитанная и весьма настойчивая. У нее всегда были идеально уложены седые волосы, на голове шляпка на манер конца восемнадцатого века, платье всегда длинное, строгое, пальто такое же, перчатки на руках и дорогие украшения. Она всегда просила чашку чая и, ты не поверишь, в понедельник утром приносила мне список проблем жильцов двора, в котором жила, а в пятницу вечером приходила требовать от меня отчета о проделанной работе, — рассказывал Женя, когда мы сидели в ресторане после прогулки по городу.

За окном уже стемнело, а в этом заведении было по-домашнему уютно и даже интимно. Возможно, дело в том, что столики располагались друг от друга на комфортном расстоянии и зона вокруг них искусно и непринужденно чем-то да отделялась, тем не менее не ломая ощущения общего зала.

— Удивительно. И ты отчитывался? — Я слушала рассказ

депутата о его посетителях с живым и искренним интересом.

— Знаешь, сначала очень злился, что отрывает от работы. А потом уже так к ней привык, что невольно стал ждать. И самое странное, что как-то само собой получалось, что именно проблемы из ее списков решал в первую очередь.

— Тебе хотелось сделать ей приятное, — пожалала я плечом. — Все же такая благородная леди, судя по всему.

— Мне кажется, она подавала пример, каким должен быть депутат. Несмотря на глубокую старость, она находила силы и время помогать людям, и у нее был очень острый, цепкий ум. В итоге наши встречи стали для меня неотъемлемой частью распорядка на понедельник и пятницу, и мне, откровенно, не хватает этого сейчас.

— Я не видела ее ни разу, — осторожно заметила.

— Она умерла полгода назад. Я до сих пор корю себя за то, что когда она не пришла ни в понедельник, ни в пятницу, не выяснил причину. Подумал, грешным делом, что все проблемы ее двора решены. А когда все же решил навестить, узнал от соседей, что она умерла. Тихо, никогда не позвав на помощь. И самое жуткое, что в ее трехкомнатной квартире было пусто. Там была кровать с тумбочкой, на которой стояла настольная лампа. На полу лежало старое одеяло. А в кухне не было никакой техники, кроме газовой плиты и старинного холодильника с микроскопической морозильной камерой. На стене висел один шкаф, еще один напольный рядом с раковиной и табуретка. И много книг стопками ле-

жали на полу.

— Она была такой бедной? — ужаснулась я.

Депутат покачал головой:

— Соседи сказали, ее семья всегда была богатой. Но после смерти мужа и сына она занялась благотворительностью и все, что имела, раздавала тем, кому было нужно. Ее уважали за справедливость и доброту, побаивались за строгость и требовательность, а кто-то посмеивался и говорил, что «старушенция просто выжила из ума».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.